

В. Раевский

1

Владимир Федосеевич Раевский, один из виднейших участников декабристского движения, поэт, друг Пушкина, родился 28 марта 1795 года в селе Хворостянке Новооскольского уезда Курской губернии, в семье отставного майора екатерининской службы. Образование Раевский получил в Московском благородном университетском пансионе, в который поступил в 1803 году.

Пансион был тесно связан с жизнью Московского университета. В годы пребывания Раевского пансион и Московский университет были центром общественной мысли. Вместе с Раевским воспитывались многие будущие декабристы, с которыми ему суждено было встретиться уже в Южном обществе: И. Г. Бурцов, Ф. Ф. Вадковский, Н. А. Крюков, А. З. Муравьев, А. Черкасов и другие. Здесь же в это время воспитывался и Грибоедов. Идейная атмосфера, в которой жило московское студенчество, характеризовалась критическим отношением к крепостнической действительности, пламенной любовью к России, интересом к отечественной истории и литературе. Студенты и воспитанники читали запрещенную литературу, знакомились с произведениями Радищева и Пнина, изучали Плутарха, историю греков и римлян, воспламенялись подвигами героев древности. Идейная атмосфера Московского университета много поясняет и в формировании мировоззрения В. Ф. Раевского. В пансионе были заложены основы глубоких знаний Раевского в области математики, физики, русской и древней истории. Уже в эти годы его разум

Встревожен мыслию мятежной.
Забавы детства презирал. . .

(«Певец в темнице»).

В 1811 году после выхода из пансиона Раевский определился в Дворянский полк при 2-м кадетском корпусе. Здесь завязывается глубокая и прочная дружба между Раевским и будущим декабристом Батеньковым, которую они пронесли через всю свою жизнь. Батеньков, характеризуя дружбу с Раевским, говорил, что они «проводили целые вечера в патриотических мечтаниях, ибо приближалась страшная эпоха 1812 года. Мы развивали друг другу свободные идеи. . . С ним в первый раз осмелился я говорить о царе, яко о человеке, и осуждать поступки с нами цесаревича. . . В разговорах с ним бывали минуты восторга, но для меня всегда непродолжительного. Идя на войну, мы расстались друзьями и обещались сойтись, дабы в то время, когда возмужаем, стараться привести идеи наши в действие». Эти знаменательные слова Батенькова, произнесенные им перед Следственной комиссией в 1826 году, имеют исключительно важное значение для раскрытия идейного содержания жизни молодого Раевского. Юные друзья клянутся приложить свои силы для изменения жизни. Это содружество открывает политическую биографию будущего декабриста.

Формирование юношеского мировоззрения Раевского развивалось на той же общественной почве, на какой совершалось духовное развитие и его товарищей, будущих декабристов. «Гроза двенадцатого года» завершила это развитие.

По словам самого Раевского, его жизнь состояла из трех переходов (периодов): военная жизнь (1812—1822), тюремная жизнь (1822—1827) и ссыльная жизнь (1828—1872).

Огромное значение для духовного созревания Раевского имело непосредственное участие в Отечественной войне 1812 года. Раевский был участником одиннадцати сражений. За Бородинское сражение он был награжден золотой шпагой «За храбрость», а за участие в других сражениях имел два военных ордена. В эти годы Раевский пишет ряд стихотворений, посвященных Отечественной войне («Песнь воинов перед сражением», «Песнь воинов перед битвой», «Песню» и др.). Русская поэзия горячо откликнулась на события 1812 года. Стихотворения В. Ф. Раевского полностью соответствуют основному патриотическому пафосу времени:

Ужель страшиться нам могилы?
И лучше ль смерти плен отцов,
Ярмо и стыд отчизны милой
И власть надменных пришлецов?
Нет, нет! Судьба нам меч вручила,
Чтобы покой отцов хранить:
Мила за Родину могила,
Без Родины поносно жить!

(«Песнь воинов перед
сражением»).

Песнь заканчивается клятвенным обещанием воинов-патриотов:

Друзья! . . . В пылу огней сраженья
Обет наш — *пасть иль победить?*

Четырехлетнее пребывание в армии, а самое главное — пробуждение дремавших сил России, которая в борьбе на смерть с Наполеоном увидела «в себе силы и средства, которых она дотоле сама в себе не подозревала» (Белинский, XI, 334), — все это способствовало дальнейшему идейному росту Раевского.

В позднейших высказываниях Раевского мы находим развернутую характеристику социальных причин, способствовавших развитию политического свободомыслия в период, последовавший за окончанием Отечественной войны. «Армия, избалованная победами и славой. . . , — писал он сестре в 1868 году, — подчинилась неслыханному угнетению. Военные поселения. . . забивали солдат под палками; крепостной гнет крестьян продолжался, боевых офицеров вытесняли из службы; . . . усиленное взыскание недоимок, увеличившихся войною, строгость цензуры, новые наборы рекрут и пр. пр. — производили глухой ропот. . . Власть Аракчеева, ссылка Сперанского, неуважение знаменитых генералов и таких сановников, как Мордвинов, Трошинский — сильно встревожили, волновали людей, которые ожидали обновления, улучшений, благоденствия, исцеления тяжелых ран своего отечества. . . И вот причины, которые заставили: нас высказаться решительно и безбоязненно: дело шло о будущем России, об оживлении, спасении в настоящем».¹

С возвращением Раевского в 1816 году на родину из-за границы начинается новый период его военной жизни. Раевский развивает активную деятельность, направленную на приведение «идей в действие». В 1816 году в Каменец-Подольске по его инициативе было создано содружество, члены которого носили железные гладкие кольца. О характере этого содружества мы узнаем из проникнутых вольнолюбием писем Раевского к Приклонскому.

30 января 1817 года Раевский вышел в отставку. Политические мотивы, которыми руководствовался будущий декабрист, ясны из его «Записок»: «Железные кровавые когти Аракчеева сделались уже чувствительны повсюду. Служба стала тяжела и оскорбительна. . . Требовалось не службы благородной, а холопской подчиненности. Я вышел в отставку».²

Творческая деятельность Раевского в эти годы (1816—1818) довольно интенсивна. Ряд стихотворений связан с уже упомянутым содружеством «железных колец» («Ода

другу», «Послание к Приклонскому», «Мое прости друзьям» и др.). В них очерчен широкий круг вопросов, которые волновали Раевского и его друзей, дана характеристика содружества и его интересов. При встречах «в кругу прямой свободы» раздавался «любви и дружбы глас священный»; честь, истина и добро почитались долгом жизни. Здесь, в дружеском кругу, принималось только то, что вело «по пути чести благородной», культивировалось «презрение к рабской стезе, ведущей к почестям». «Послание Петру Григорьевичу Приклонскому», в котором изложены эти принципы, характеризуется пафосом независимости и утверждения свободной личности. Слова Раевского из этого послания:

Напрасно равенства мечтатели желают!
В природе равенства не может быть и нет —

свидетельствуют, что поэт критически относился к теории естественного права, что он начинает осознавать его ограниченность.

Ко времени содружества «железных колец» необходимо отнести и разлитие в творчестве Раевского мотивов легкой, анакреонтической поэзии. В его произведениях этого времени воспеваются вино, любовь, нежные девы, застольные друзья («Обет», «Вакхическая песня» и др.). Воспевая наслаждение жизнью, Раевский во многом следовал батюшковской поэтической традиции. Но уже и в этих произведениях ощущается своеобразие Раевского.

Увлечение «резвыми шалостями» уживалось в поэзии Раевского со свободолюбивыми идеями, являясь своеобразной формой протеста, противопоставлением идеалу «рабов, отживших под луной», которые «с завистью взирают на сей свободы полный дух». Раевский нашел в себе силы, чтобы преодолеть влияние легкой поэзии. В «Признании» поэт подвергает осмеянию все то, что привлекало его как «певца Вакха и ветреных цирцей». Изображение картины «сладостной жизни» завершается в этом стихотворении полемическим обращением — укором Аристипу и Эпикуру, учившим, что цель жизни — в наслаждении. «Признание» заканчивается разоблачением подлости, сияющей в венце, а также безумцев, унижающих таланты, разум, правду и честь. Поэт спешит под кров «родины святой», где «с пером и книгами, в беседе найдет утраченный покой». «Признание» как бы заключает собою цикл анакреонтических стихов Раевского.

В 1817—1818 годах в творчестве Раевского начинают преобладать мотивы ухода под кров сельского убежища, где поэт, далекий от сует, затей и славы, «в старом красном колпаке», находит примирение с собой, где его живит огонь свободы. Начав с традиционного образа «смиранных душ приюта», охраняемого пенатами («К сельскому убежищу», «К моим пенатам»), Раевский переходит к более жизненному описанию «хижины простой» («Послание к другу»). Однако литературный образ «безбедного приюта» распадается, и поэт, приобщившийся к реальной жизни, разоблачает нравственное убожество представителей господствующего класса, рисует злодейские ужасы крепостного права. «Безбедный приют» раскрылся ему так же, как раскрылся «приют спокойствия» для Пушкина в «Деревне» (1819). Этот процесс был обусловлен самой жизнью. Остро переживая все проявления деспотического правления, Раевский укрепляется в мысли «привести свои идеи в действие». Так вызревает мысль о необходимости скорого преобразования в России, о необходимости уничтожения рабства.

2 июля 1818 года Раевский возвращается на военную службу в 32-й егерский пехотный полк, расположенный в Бессарабии, а в 1819 году был принят Комаровым в Союз благоденствия. Основная работа в области политической пропаганды велась Раевским в эти годы среди солдат и юнкеров. Она усилилась в связи с назначением его в августе 1821 года преподавателем и начальником ланкастерской школы. В пропагандистской работе Раевского проявился его незаурядный талант пропагандиста и

организатора солдатской массы. В солдатах Раевский видел основную силу армии. Они были для него частью народа.

Творческая деятельность Раевского этих лет развивается по двум направлениям: он выступает как поэт и как публицист. Раевский рисует надменного и бездушного вельможу-сибарита, пресыщенного жизнью «злодея-друга царя», безразличного к стону сирых, к слезам темничных страдальцев и к простому народу, изнывающему «под гибельным законом рабства». Поэт обличает порок под багряницей («Глас правды», «Послание другу»). В «Сатире на нравы» дается широкое и разностороннее изображение светского общества, тупого и самодовольного, равнодушного к судьбам родины. Поэт показывает, что порок гнездится не только под багряницей и крестами, но он присущ всему господствующему классу. С горечью и сарказмом он говорит о возвышении «инославных подлецов», о «чуме иноплеменной», об увлечении иноплеменными модными «уставами», о преклонении светских вертопрахов перед «творителями помад». Поэт-патриот разоблачает «обезьян тупоголовых», космополитов-дворян. Раевский так определяет политический вред космополитизма:

Из всех гражданских зол, всего опасней, злей
Для духа нации есть чуждым подражанье.

(«Сатира на нравы»).

Разоблачая шутов и обезьян высшего класса, поэт-декабрист отмечает вместе с тем и рост гражданских чувств в прогрессивных кругах общества. «Гражданства искра в нас зажглась», — говорит он. Поэт уверен, что «русское любить пройдет безумный страх».

Разоблачая высшие круги дворянства, показывая их нравственное убожество, поэт заявляет о том, что он предпочитает роскошным палатам и обществу венценосных князей простую хижину и простоту простых людей («Послание к другу»). В ряде стихотворений Раевский обращается к жизни простого народа. За правдивым изображением крестьянской хижины следует изображение жизни крепостного обездоленного крестьянства.

Сначала крестьянская тема ставится еще робко, условно («Осень», «Картина бури», «Меналк»), В «Плаче негра» и «Песне невольника» поэт-декабрист, следуя радищевской традиции, подходит уже ближе к разрешению этой темы. В образе несчастного негра, который рисуется одновременно и гордым сыном свободы, звучит завуалированный протест против крепостничества. Именно здесь начальная стадия разработки антикрепостнической темы, которая завершится в 1821 году созданием стихотворения «Смеюсь и плачу», «Безумцы, оградясь обрядами» и «Рассуждением о рабстве крестьян и о необходимости скорого преобразования в России».

Наиболее полно своеобразие Раевского проявилось в философской лирике. В этом отношении особый интерес представляют его философские элегии («Элегия 1-я», «Элегия 2-я» и др.). В них дана поэтическая трактовка тех философских проблем, которые волновали русское общество начала XIX века: о месте и роли человека в природе, о значении разума, о смерти и бессмертии, о законах природы и общества, о борьбе с тиранией. Раевский говорит о вечном движении как о всеобщем законе, которому подчиняется и природа и общественная жизнь. Поэт восхваляет присущие человеку «могущество ума, дух сильный, дар свободы», дающие возможность ему проникнуть в самые сокровенные тайны природы. Философские идеи Раевского звучат как подлинный гимн человеку. Рисуя картины социальной несправедливости, поэт высказывает твердую уверенность в том, что «в бездну упадет железной злобы трон, отверзнутся врата свободы и спокойства», восторжествует правда. Особенностью философской лирики Раевского является то, что, утверждая в ней материалистическое и атеистическое начало, поэт в то же время придает ей, в соответствии с радищевской традицией, определенную гражданскую направленность и социальную остроту.

1820—1821 годы имеют исключительное значение в политической и творческой биографии Раевского. Активное участие в деятельности тайного общества, более глубокое знакомство с жизнью крестьян во время пребывания на Украине, общение с солдатской массой, связь с видными декабристскими деятелями и Пушкиным оказали огромное влияние на его творчество.

Как известно, Раевский не подчинился московскому съезду, постановившему ликвидировать Союз благоденствия, а вошел в Южное общество, возглавлявшееся Пестелем, и создал в 32-м егерском полку декабристскую организацию, в которой, по словам Комарова, был «новый ряд идей, идущий от Раевского».

Разгром революционного движения на юге начался с ареста Раевского, с разгрома кишиневской организации.

Тайная военная агентура внимательно следила за деятельностью «первого вольнодумца в армии и разрушителя дисциплины», известного начальству «вольнодумством, совершенно необузданным». Киселев и Сабанеев, заклятые враги декабриста, были уверены в том, что для раскрытия «злодейской шайки» необходимо арестовать Раевского. Этому предшествовали два события, ускорившие трагическую развязку. В июне 1821 года в Аккермане, где служил Раевский до перевода в Кишинев, возникло судебное дело, в котором Раевский обвинялся в потворстве нижним чинам. Корпусный командир генерал Сабанеев выехал в Аккерман, где получил донос на Раевского от местного полицеймейстера. Затем поступил донос от полкового священника, узнавшего на исповеди от солдат о «крамольных» речах Раевского, а потом донос от ректора Бессарабской духовной семинарии Иринья, впоследствии архиепископа Иркутского, ставившего себе в заслугу, что «впервые открыл зловерное учение Раевского, которое он преподавал юнкерам в Бессарабском лицее». Не дремали и политические враги Раевского в полку. Они подкупили юнкеров, которые выкрали бумаги у Раевского, и сделали на него донос. Наконец, вспыхнуло дело Камчатского пехотного полка, которое рассматривалось царской ставкой и штабом армии как повторение семеновской истории. В этом деле также усматривалось влияние деятельности «первого вольнодумца в армии». Это решило судьбу Раевского. Волнение было подавлено, солдаты забиты палками и сосланы в Сибирь, а 6 февраля 1822 года был арестован и сам «первый вольнодумец». А. С. Пушкин, случайно узнав о готовящемся аресте, предупредил своего друга об этом, и Раевский успел уничтожить важнейшие компрометирующие его материалы. С момента ареста начинается тюремный, или «подземный», как он сам называл, период жизни Раевского.

В 1820—1822 годах были написаны «Смеюсь и плачу», «Безумцы, оградясь обрядами», «Послание Батенькову», «Повесть о Р.». Большое внимание Раевский уделяет также публицистике, философии и литературной критике.

Центральное место в поэзии Раевского занимают теперь большие социальные проблемы. Поэзия Раевского неразрывно связывается с его революционной деятельностью, становится ее органической частью. По своей антикрепостнической направленности такие произведения, как «Смеюсь и плачу», «Безумцы, оградясь обрядами», «Повесть о Р.», тесно связаны со смелым «Рассуждением о рабстве крестьян». Сам поэт подчеркивал эту связь, утверждая, что антикрепостническая мысль стихотворения «Смеюсь и плачу» почерпнута им из «Рассуждения». В этом стихотворении Раевский с чувством глубокого сострадания говорит о судьбе бедных поселян, которых «знатный вертопрах, бездушный пустослов, ... гнет на двойку... , меняет... на пуделя иль сойку». Негодующе звучит голос поэта, когда он рассказывает о страданиях невинных жертв лицемера-ханжи, который «правом знатности везде уважен».

По своей идейной направленности стихотворение «Смеюсь и плачу» совпадает с «Горем от ума», задуманным Грибоедовым в эти же годы.

Стихотворение «Безумцы, ограждаясь обрядами» по своему политическому пафосу стоит еще ближе к «Рассуждению о рабстве». Можно сказать, что оно является поэтическим изложением «Рассуждения». В нем даны картины ужасных преступлений, показан «рабства гибельный ярем, терзающий народ жезлом постановлений». С большой силой нарисован и несчастный раб:

Кровавый пот с лица и смутный взор,
Согбены рамена и впалые ланиты,
И дряхлость ранняя, и вокруг детей собор:
То раб, истлевшим рубищем покрытый;
Шалаш от вьюг и холода, от бури и ненастья.
Не защищаемый и кровлею простой,
И вокруг следы нужды, печалей и несчастья. . .

По своей общей направленности это стихотворение созвучно «Деревне» Пушкина.

В стихотворении «Безумцы, ограждаясь обрядами» Раевский выдвигает важное требование: «Человек среди высоких дум должен зреть истину, прелестну наготою». Это стремление к «нагой истине» определяется антикрепостнической направленностью борьбы, активным участником которой был поэт. Стремление к «нагой истине» во многом объясняет и попытку Раевского перейти к прозе. Интерес к прозе особенно обостряется в декабристской среде в начале 20-х годов. Проблема прозы волновала Пушкина, Вяземского, Орлова. Она была темой кишиневских дискуссий между Пушкиным и Раевским. Неоконченную «Повесть о Р.» нужно рассматривать как одну из попыток Раевского участвовать в разрешении этой важной литературной проблемы. Повесть направлена против сентиментальных путешествий карамзинистского типа. В ней разоблачается духовная нищета дворянства, оправдываемая аристократизмом происхождения и сословными привилегиями. Раевский рассказывает в ней о судьбе крепостного, ставшего вольным человеком. В крепостном, а затем вольном человеке Раевский отмечает черты характера, которые возвышали его над представителями господствующего сословия. Можно назвать только два произведения этих лет, в которых дано подобное раскрытие характера крепостного. Это набросок плана пьесы Грибоедова «1812 год» и послание Вяземского «Сибирякову» (1819).

Поэтическое творчество Раевского этих лет тесно связано с его публицистической и революционной деятельностью. Наиболее убедительно это проявилось в создании «Песни по поводу смерти подполковника Адамова». Раевский отнес «профессора шагистики» Адамова к числу тех злодеев, которые тиранили благородного русского солдата. Была еще причина особенного внимания Раевского к Адамову: он был командиром Камчатского полка и при нем разыгралась камчатская история. «Песня», таким образом, явилась поэтическим откликом Раевского на камчатские события. Естественно, что она стала популярным произведением рукописной литературы 20-х годов. О ее остроте свидетельствует тот факт, что в обвинительном акте военного суда, приговорившего Раевского к смертной казни, есть специальный пункт, признающий ее криминальным произведением. Возможно, что это произведение в какой-то мере ускорило трагическую развязку. Песня — последнее произведение Раевского перед арестом.

В этот период Раевский особенно ярко проявил себя в качестве политического деятеля и публициста. В 1820—1822 годах им были написаны «Рассуждение о рабстве крестьян и о необходимости скорого преобразования в России», «Рассуждение о солдате», «О существе законов Монтескье» и др. В этих работах наиболее полно изложена социально-политическая программа Раевского. В «Рассуждении о рабстве крестьян и необходимости скорого преобразования в России» Раевский обрушивается на владельцев-тиранов, кои торгуют, меняют, продают, дарят и тираният подобных себе людей. С гневом и ненавистью говорит декабрист о русском помещике, который «вспоен слезами и кровавым потом своих подданных».

Яркими красками рисует поэт развращенность и невежество русского дворянства, которое «погрязло в роскоши, разврате, бездействии». Сама атмосфера, которой дышат эти «изверги и тираны», «составлена из вздохов сих несчастных поселян». Русский народ должен быть свободным народом. Раевский утверждает, что уничтожения рабства требуют интересы нации, ее благоденствие. Только свобода делает человека человеком и в полной мере раскрывает человеческие способности. Доказывая необходимость уничтожения крепостной зависимости крестьянства, Раевский призывает: «Граждане! тут не слабые меры нужны, но решительность и внезапный удар!». Но «Рассуждение» Раевского отнюдь не является экономическим трактатом на тему о невыгодности крепостного труда. Оно написано кровью сердца человека, глубоко сочувствующего народу. Это — размышление патриота о судьбах России. Раевский указывает, что на борьбу против «бесчувственных эгоистов и тиранов народных» его ведет «патриотизм, сей светильник жизни гражданской»: «Могу ли видеть порабощение народа, моих сограждан, печальные ризы сынов отчизны. . . и не сострадать им?» — пишет он.¹

Борьба против крепостничества проходит через всю историю декабристского движения, она нашла свое яркое выражение в высказываниях Пестеля, сочинениях Н. Тургенева, конституции Н. Муравьева. Но только одно произведение декабристской литературы с такой публицистической заостренностью и пропагандистской направленностью рассматривает этот вопрос — это «Рассуждение о рабстве крестьян» Раевского. Своей целью оно ставило не только осветить данный вопрос, но и призвать к действию. Во время следствия было установлено, что «Рассуждение» распространялось в рукописных списках. «Рассуждение о рабстве» Раевского является одним из выдающихся памятников пропагандистской литературы Южного общества декабристов, продолжающим радищевскую традицию. Таким же памятником является и «Рассуждение о солдате», где говорится о «русском крестьянине, одевшем мундир», о «благородном русском солдате, участь которого вверена жалким офицерам». Оба эти произведения являются программными политическими документами декабризма, дающими теоретическое обоснование необходимости уничтожения крепостничества, необходимости скорого преобразования России и ответом на вопрос об основных силах «в будущих происшествиях», в революции. Деспотическое правление должно замениться республиканским строем, который приведет к благоденствию отечества и народа. Под благоденствием понимается уничтожение рабства и деспотического правления. В «Замечаниях о политике», написанных в 1823 году в Тираспольской крепости, утверждается, что «цель политики есть благоденствие *народное*». Все это характеризует политические воззрения Раевского как законченную систему социально-политических взглядов, всецело определяющихся антикрепостническими, демократическими, республиканскими тенденциями.

У Раевского была также продуманная система пропаганды этих идей среди юнкеров и солдат в ланкастерской школе. Им были составлены особые прописи по русскому языку, специальные курсы географии, истории, поэзии. Эти курсы охватывали все стороны политической подготовки учащихся. Подготовка начиналась с уроков правописания. В качестве примеров Раевским давались слова: «Свобода, Равенство, Конституция» и имена деятелей, о которых «прогремела история из рода в род»: Брут, Вашингтон, Франклин, Мирабо. Приводились также имена из русской истории, в том числе — Владимир, Святослав, гражданин Минин, Пожарский, законодатель и строитель Петр, Суворов, Кутузов. Все это были «славные имена людей, кои должны быть начертаны в памяти всех людей просвещенных». Такой подбор имен должен был направить мысль солдат и юнкеров в определенную сторону, вызвать желание подражать этим славным деятелям. Имена расшифровывались, знания о них углублялись на занятиях по истории, географии, литературе. На уроках истории освещались события, раскрывающие величие русского народа, его славу, борьбу за национальную независимость и вольность. С особой любовью говорилось о Новгороде. На уроках географии шла речь о формах государственного

управления. Здесь говорилось о деспотическом, тираническом характере русского монархического правления и пропагандировалась мысль о конституционном правлении, «самом лучшем правлении, управляемом законами, клонящимися ко всеобщему благу». Заодно объяснялось, что величайшее тиранство в армии вызвано отсутствием конституции и равенства. Обучая юнкеров поэзии, Раевский брал такие примеры, которые внедряли в сознание учащихся свободные мысли и ненависть к самодержавному тирану. Литература была полностью использована Раевским как средство воспитания свободолюбия, патриотизма, национальной гордости.

По существу впервые в истории русского революционного движения была использована школа для внедрения республиканских, конституционных идей. Впоследствии, уже в Сибири, сам декабрист говорил путешественнику Эрману, что «сослан в Сибирь за распространение взглядов либеральной партии в солдатской школе, которой заведовал».

Революционную пропагандистскую работу Раевский проводил и в подразделениях, деятельно готовя солдат «к возможной перемене». В этом отношении Раевский добился значительных результатов. Об этом свидетельствует камчатское дело. В глазах Сабанеева Раевский был «бунтовщиком», «главой злодейской шайки извергов». Против Раевского и против распространявшейся в дивизии «раевщины» были приняты самые крутые меры: солдат жестоко наказали, а самого Раевского заключили в крепость и первоначально приговорили к смертной казни.

2

С 6 февраля 1822 года начинается новая, «подземная», по его выражению, тюремная жизнь Раевского. За шесть лет над ним было произведено два следствия и три суда.

Эпиграфом к этому периоду жизни «первого декабриста» могут служить его слова: «Тайна оставалась тайною, и только 14-го декабря 1825 года она объяснилась на Сенатской площади».¹ Годы жизни в крепости были для Раевского годами борьбы за сохранение тайны. Узник с «терпением мраморным» сносил свою «судьбу сурову», нигде ни в чем себе не изменяя. Он не только боролся за свою жизнь, но боролся за общее дело, в конечное торжество которого верил. Раевский продолжал вести революционную деятельность и в стенах крепости. Здесь им были написаны своеобразное публицистическое произведение «Протест», «Заметки о политике» и др. В крепости же мужает и его поэтический талант. «Певец в темнице», как он сам себя называл, становится подлинным поэтом декабризма в период нарастания революционной борьбы.

Арест Раевского был встречен ликованием «рыцарей палки и носка», но среди офицеров были и люди (Вяземский, Бучевский, Ревазов и др.), которые отказались принять участие в этой разнузданной кампании. Сабанеев расправился с ними, а остальным пригрозил: «те, кои ничего не покажут против Раевского, будут взяты государем императором на особое замечание и обойдены в представлении, а полк раскассирован». После отстранения Орлова от командования дивизией, Таушева, Охотникова — от службы, ареста полковника Непенина — сопротивление офицерских кругов было подавлено, но именно в этот момент неожиданно проявила себя сила, которую следственные власти долго не могли сломить. Это были солдаты. В «Протесте», «Дополнении к Протесту», «Оправдании» и в следственном деле Раевского раскрывается роль солдат, втянутых в развернувшуюся борьбу. Высокий авторитет и влияние Раевского с особой силой обнаружили себя во время следствия и суда над декабристом. Солдаты отказывались показывать против Раевского. Их пороли, били палками на допросах, не скупившись на угрозы, сулили Сибирь, но они упорствовали. Раевский говорил: «они защищали свою честь и совесть». Они защищали также и Раевского. Их пытались уговорить. Генералы Сабанеев, Вахтен, усердствующие офицеры, а также члены Военного суда говорили солдатам роты Раевского: «Он уже погиб и без того! Говорите,

показывайте; он будет сослан в Сибирь, а вы останетесь! Вы его не спасете, а сами погибнете!». Солдаты упорствовали. В 1826 году Николай I сделал на полях доклада такое замечание: «Из всех разнообразных показаний нижних чинов и заpiresательства некоторых ясно видна приверженность их к Раевскому». Эта приверженность раскрыла тесную связь между бунтовщиками солдатами и бунтовщиком офицером, подготовлявшим их к восстанию.

Раевский был приговорен к «лишению живота» за подготовку к бунту и возмущению. В ответ на этот приговор Раевским был написан «Протест» (1823), в котором с большой силой проявились демократические симпатии декабриста. Красочность и эмоциональность, а главное — политическая целеустремленность «Протеста», этого своеобразного публицистического произведения, определили его известность в рукописной литературе. «Протест» тесно связан с посланием «К друзьям в Кишинев», являясь своеобразным реальным комментарием к этому посланию.

В Тираспольской крепости Раевским были написаны: послание «К друзьям в Кишинев», «Певец в темнице» и др. Политическая страстность и художественная зрелость этих произведений обеспечили успех и широкое распространение их в рукописных списках.

Послание «К друзьям в Кишинев» — один из замечательнейших памятников потайной русской литературы. Искренность и сила чувства, романтическое воспевание подвига сочетаются в послании с непреклонным и страстным протестом против всякого произвола и насилия. Голос поэта, раздающийся из мрачных стен заточения, зовет к борьбе и подвигу, борется за Закон — «гранит народных зданий», за Закон, стоящий выше монарха. Поэт говорит о царе-народе как основной силе исторической и политической жизни общества.

В «Певце в темнице», написанном вслед за посланием «К друзьям», Раевский от истории переходит к своей современности:

Как истукан, немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавый род
И мысль и взор казнит на плахе,
И вера, щит царей стальной,
Узда для черни суеверной,
Перед помазанной главой
Смиряет разум дерзновенный.

Читая эти строки, Пушкин заметил, что «никто до Раевского не изображал еще так сильно тирана. . . Хорошо выражение и о династии: «Бичей кровавый род».

Взор поэта обращается к истории и перед ним раскрываются картины свободной народной жизни древних Новгорода и Пскова. История вселяет уверенность в душу поэта, и он посвящает царю-народу вещие слова, проникнутые глубоким историческим оптимизмом:

Он пал на край могилы,
Но рано-ль, поздно-ли, — опять
Восстанет он с ударом силы!

Как можно иначе понять этот «удар силы», как не образное выражение мысли о народной революции?

Поэт верит в народное пробуждение не только на основании осмысления исторического опыта. Он находит подтверждение своей веры и в фактах современной ему международной жизни. Национально-освободительная борьба в Греции рассматривается им как пробуждение народной силы:

. . . там валкальный звон
Поколебал подземны своды!
И пробудил народный сон
И гидру дремлющей свободы.

(«К друзьям
в Кишинев»).

Образ народа характерно связан в послании «К друзьям» и в «Певце в темнице» с образом поэта и его общественной ролью. Напоминая народу его славное историческое прошлое, поэт должен пробуждать народ к деятельной политической жизни. Эти стихотворения являются вершиной литературно-эстетической мысли поэта-декабриста. В них он высказывается о роли искусства, о роли гражданской поэзии. К этому программному высказыванию о роли поэта в жизни народа, обращенному к Пушкину, Раевский шел последовательно и неуклонно: литературные взгляды поэта-декабриста зрели в неразрывной связи с развитием его как политического деятеля.

Еще в 1821 году Раевский, преподавая в ланкастерской дивизионной школе, рассматривал литературу как одно из средств общественного, патриотического, революционного воспитания. В ходе преподавания он, по существу, реализовал программные статьи «Законоположения» Союза благоденствия в области литературной политики. Обращение Раевского к Пушкину с законченной литературно-эстетической программой — не случайное явление в творческой биографии и Раевского и Пушкина. Раевский был кишиневским другом Пушкина. Пушкин видел в Раевском выдающегося революционного деятеля, человека разносторонней образованности, тонкого ценителя и знатока поэзии. Общение Пушкина и Раевского было далеко не безразлично для политического и художественного развития обоих поэтов. На литературных вечерах-дискуссиях, обычно происходивших в доме Липранди или у Раевского, говорили и спорили о языке, о русской песне, об античной мифологии и ее месте в русской поэзии, об исторической теме в поэзии. Именно здесь Раевский утверждал, что «в русской поэзии не должно приводить имена ни из мифологии, ни исторических лиц древней Греции и Рима, что у нас то и другое есть — свое».¹ Литературно-критический набросок Раевского «Вечер в Кишиневе», написанный по поводу стихотворения Пушкина «Наполеон на Эльбе», рассказывает об одном из таких вечеров. Во многом под влиянием первого декабриста Пушкин обращается к глубокой разработке национально-исторической темы, приступает к работе над сюжетом о Вадиме Новгородском. Высокими критериями гражданской поэзии вызвано обращение поэта-декабриста к певцу Кавказа — Пушкину:

Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь. . .

(«К друзьям в Кишинев»).

В этих словах дана законченная литературно-эстетическая программа общественного служения поэта.

До 1822 года поэзия Раевского была известна лишь небольшому кругу его друзей, после заключения в крепость его произведения расходятся в многочисленных списках по всей стране. Голос «певца в темнице» будил высокие гражданские мысли и чувства читателей. За распространение произведений Раевского людей преследовали, заключали в крепость.

3

15 октября 1827 года Николай I утвердил решение третьего по счету суда над Раевским. Решение гласило: «Поведение подсудимого, образ мыслей и поступки столь важны, что он, по всем существующим постановлениям, подлежал бы лишению жизни». В

качестве особой милости и снисхождения суд нашел возможным, «лишив Раевского всех знаков отличия, звания дворянина, удалить его, как вредного в обществе человека, в Сибирь, на поселение».¹

«Спокойно я выслушал мою конфирмацию. . . , — писал впоследствии Раевский, — скинул мой военный мундир и как поселенец отправлен в Сибирь под строгим надзором, на почтовых. В Иркутске уже знали и ожидали моего приезда. Я был встречен с любопытством, вниманием. . . ».²

Мужественный голос Раевского продолжал звучать и тревожить сердца людей и в этот период. Шеф жандармов и венценосный жандарм полагали, что окончательно сломили эту поистине неукротимую натуру и вычеркнули Раевского из жизни. На деле было иное. Раевский следовал в Сибирь, а в России в это время возникло дело о харьковских студентах, среди которых распространялись «зловредные сочинения» Пушкина и Раевского. Почти в это же время поступил донос на штабс-капитана Мозевского, «рассевавшего возмутительные сочинения майора Раевского». Затем возникло дело о тайном обществе в Курске, где опять-таки фигурировали стихи Раевского. Агент-provokator Роман Медокс, донося о «Союзе великого дела», называл также имя Раевского. «Первый декабрист» продолжал жить и бороться. «Я потерял чины, ордена, — писал Раевский сестре, — меня лишили наследственного имени, но умственные мои силы, физическая крепость, мое имя — оставались при мне».³ В этих словах весь Раевский, вся его неукротимая энергия, мужественный и стойкий характер.

Раевский был поселен в селе Олонках, недалеко от Иркутска. Он приписывается к сословию крестьян и становится членом Олонского крестьянского общества. Вскоре Раевский женится на простой крестьянской девушке Евдокии Моисеевне Середкиной. Раевский не только надел крестьянский кафтан, но и полностью вошел в крестьянскую трудовую жизнь. Следуя его примеру, крестьяне занялись огородничеством, и Олонки покрылись огородами и парниками, чего раньше не было. Впервые в Иркутске арбузы появились с огородов Раевского. Он мог с полным правом подписаться в письме к Батенькову: «Олонской крестьянин Владимир Раевский». Однако не только хозяйственная деятельность способствовала доброй славе первого декабриста. Раевский проводил среди населения и большую культурную работу. Он начал с того, что обучил грамоте свою жену, ее брата и сестру, а закончил созданием школы в селе Олонках. Крестьяне шли в нужде к Раевскому за помощью и советом. Он часто выступал в роли крестьянского заступника: «Пока Владимир Федосеевич жив был, эти заседалишки и сунуться к нам не смели», — вспоминает старик-крестьянин. Добрая память о Раевском сохранилась в Олонках до наших дней.

Сибирский период жизни Раевского характеризуется его напряженной хозяйственной, культурной и общественной деятельностью. Он все больше и больше проникается интересами своей второй родины, Сибири. В ссылке Раевский не прекращал и поэтической деятельности. Произведения Раевского этих лет связаны с новой жизнью, отражают переживания ссыльного поэта и являются памятником декабристской поэзии каторги и ссылки. В сибирских произведениях Раевского ярко выражены мотивы личного одиночества и ненависти и презрения к господствующему классу, к существующему строю:

С людьми я мира не просил,
Я их узнал, я их чуждался —
Приветов, ласки их боялся
И дружбы, как вражды крамольной, трепетал.
Я видел, как, укрыв отточенный кинжал,
Мне руки жмет с улыбкою лукавой
И крест на грудь кладет рукой еще кровавой
По человечеству мой брат!
Везде я слышал плач и жалобные стоны,

Я видел, как в пыли потоптаны лежали
Права народные, щит слабого — законы.

(«Послание К—ву»).

Эти слова, характеризующие дворянское общество, раскрывают настроения поэта. Поэт считает, что даже смерть явится лучшим выходом из одиночества, чем возвращение и примирение с дворянским обществом. Порвав с ним окончательно и бесповоротно, поэт обращается к новой для него действительности, и перед ним раскрывается «дивное для смелой кисти поле». Он ищет путей для сближения с новой социальной средой.

В первый же год пребывания в Сибири Раевский связался с группой сибирских, красноярских литераторов-романтиков, объединившихся вокруг «Енисейского альманаха» (А. П. и Н. А. Степановы, И. М. Петров, А. Н. Кузьмин и др.). В альманахе он написал «Послание К—ву», которое не было пропущено московской цензурой.

В 40-е годы Раевский создает несколько новых произведений. В русской литературе этого времени происходят значительные изменения. Все большую и большую популярность приобретают наследие Пушкина, Лермонтова, поэзия Кольцова, разворачивается деятельность писателей реалистического направления, достигает расцвета деятельность В. Г. Белинского. Из декабристов в эти годы литературным творчеством занимаются В. Кюхельбекер и В. Раевский. Их произведения продолжают линию гражданского высокого романтизма. Стихотворение Раевского «Дума» воспекает грозную и величественную природу Сибири. «Дума» прославляет жизнь поэта-изгнанника, оставшегося верным до конца служению «высокой страсти».

Послание «К дочери» с особой силой развивает демократические мотивы. Обращаясь к дочери, вступающей в жизнь, поэт-отец рассказывает ей о своей жизни, раскрывает «книгу протекшего», и вот встают картины юных лет, борьбы «с бурей и грозой», сияет «свет зари», к которому стремился поэт, затем идут ужасные картины суда, вероломство «друзей», тяжкие годы в «стенах глухого заточенья», жизнь изгнанника в Сибири. Изображение картины лишений и страданий нужно поэту-изгнаннику не для того, чтобы вызвать слезы сочувствия из глаз дочери, а для другой, высокой цели. Она раскрывается в следующих словах послания:

И мысль и цель тебе передаю,
Тот знает их, кто знает жизнь мою. . .
Иди ж вперед, иди к призванью смело,
Люби людей, дай руку им в пути,
Они слепцы, но, друг мой, наше дело
Жалеть о них и ношу их нести.
Нет, не карай судом и приговором
Ошибки их. Ты знаешь кто виной,
Кто их сковал железною рукой
И заклеил и рабством и позором. . .
Иди вперед. . .
Я знаю сам, трудна твоя дорога,
Но радостно по ней идти вперед. . .

Это — слова завета молодому поколению. Поэт глубоко верит в то, что его усилия не пропали, что дело декабристов будет продолжено новым, молодым поколением, которое «и делом и подвигом святым» заставит людей «читать и понимать уроки».

В 1856 году, в связи с общей амнистией декабристов, Раевскому и его детям было «даровано потомственное дворянство, только без права на прежнее имущество, с разрешением вернуться из Сибири и жить в России, за исключением столиц и столичных городов». Одновременно с этим указом было дано предписание об установлении тайного надзора за амнистированным декабристом. Через два года после «милости» Раевский предпринял поездку в Россию. Он побывал в Нижнем-Новгороде, Москве, Петербурге и Курске. Целью поездки было устройство судьбы детей (у него было три дочери и пять

сыновей). Сестры, захватившие его часть наследства, почти отказали в помощи брату. Раевский окончательно убедился в том, что родственные связи порваны. С тяжелым сердцем он покидает родные неприветливые места и возвращается на свою вторую родину, в Сибирь. Во время поездки им была написана «Собственноручная автобиографическая записка» и дневник, известный под названием «Возвращение». Возвращение Раевского в Сибирь совпало с усилением общественно-политической борьбы прогрессивных сил Сибири с реакционерами, «аманатами-опричниками», как называл их декабрист. Карьеристы и взяточники наводнили Сибирь и с середины 50-х годов стали оказывать влияние на ее жизнь. Петрашевский и Раевский возглавили борьбу против этих «аманатов-опричников». Им пришлось бороться также против Бакунина, который, по словам Маркса и Энгельса, в эти годы «пользовался особыми милостями» Муравьева-Амурского.¹

В письмах к Герцену Бакунин обрушивал громы и молнии на Раевского и Петрашевского, всячески клеветал на них, чернил, добиваясь того, чтобы «Колокол» выступил против них. Герцен ответил тем, что выступил в защиту Раевского и Петрашевского. Не случайно этот период деятельности Бакунина в Сибири привлек внимание Маркса и Энгельса, которые в своей работе «Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих», к главе «Альянс в России», дали добавление «Геджра Бакунина». Они разоблачали деятельность последнего, направленную против Петрашевского и прогрессивных сил Сибири. Статьи Раевского («Заметки в Сибири», «Письмо Колоколу» и др.) печатались в вольных русских изданиях. Есть основания полагать, что рукописным путем (в Иркутске) распространялись и сатиры Раевского. Это вызывало злобу «опричников». Они наняли шпиона, который неотступно следовал за Раевским и строчил на него доносы. Реакция жестоко расправилась с прогрессивным движением в Сибири: Петрашевский и петрашевец Львов были высланы из Иркутска. Чиновник Неклюдов, располагавший фактами, обличавшими реакционеров, и пригрозивший их обнародовать, был злодейски умерщвлен под видом дуэли. Опасаясь за участь своих старших сыновей, служивших в управлении Сибири, Раевский спешно переводит их в Россию. Декабрист и сам был непрочь выехать из Сибири. Он знал, чем может закончиться борьба: конец Неклюдова был перед глазами. И он не ошибся. В 1863 году на Раевского было организовано покушение. «Убийцы не dokonчили убийства, но истязали меня жестоко», — писал он сестре.¹ Памятниками этих бурных лет являются письма Раевского к Батенькову и Вельтману. В них раскрываются общественно-политические взгляды Раевского на Россию и народ, на крепостничество, общественную жизнь и литературу. Разоблачая представителей реакционной славянофильской, либеральной мысли, Раевский связывает развитие вольнолюбивых идей с новыми демократическими силами.

Последние годы жизни Владимира Федосеевича Раевского складывались особенно тяжело. Удар за ударом падали на плечи старика-декабриста. Больной, одинокий доживал он свою суровую жизнь. В эти годы он приступает к «Воспоминаниям». В 1872 году во время поездки по какому-то делу Раевский умер в деревне Малышевке. «Не хороните меня в церковной ограде, а похороните на кладбище в степи: там просторнее, светлее и веселее», — просил он перед смертью. Его просьба была выполнена. Из Малышевки тело Раевского перевезли в село Олонки и похоронили за селом, на светлом просторе. Декабрист умер так же мужественно, как он жил. В одном из своих последних стихотворений («Предсмертная дума») Раевский, как бы озирая свой жизненный путь, говорит о своем страдании во имя любви к людям, о тяжком труде во имя блистающей, светлой зари будущего:

Не для себя я в этом мире жил
И людям жизнь я щедро раздарил. . .
И жизнь моя прошла, как метеор.

Мой кончен путь, конец борьбы с судьбою,
Я выдержал с людьми опасный спор. . .

В этих словах поэта-декабриста чувствуется воля борца. Они достойно заключают высокий гражданский подвиг поэта-патриота, с благородной щедростью отдавшего яркую, светлую жизнь свою родине, борьбе за свободу. Имя «первого декабриста» должно занять свое место и в истории русской философской, эстетической и педагогической мысли.

Сноски

¹ Русская старина, 1902, март, стр. 599.

² П. Е. Щегелев. Исторические этюды. 1913, стр. 167—168.

Сноски к стр. 69

¹ В. Раевский. Стихотворения. Изд. «Советский писатель», Л., 1952, стр. 214, 216, 223.

Сноски к стр. 70

¹ Русская старина. 1902. март, стр. 601—602.

Сноски к стр. 72

¹ Русский архив, 1866, № 8 и 9, стб. 1256.

Сноски к стр. 73

¹ Русская старина, 1873, март, стр. 377—378.

² Там же, 1902, март, стр. 601.

³ Там же, стр. 602.

Сноски к стр. 75

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIII, ч. II, стр. 637.

Сноски к стр. 76

¹ Русская старина, 1902, март, стр. 604.

В. Раевский [Электронный ресурс] . Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il6/il6-0622.htm?cmd=2>. – 18.06. 2012 г.